

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Daniel Sukitel-Mordovtzev
Д. Л. Мордовцева

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

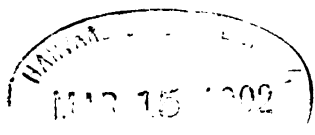
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Плот. Вольш. Театра, 2

1891

Slav 4347, 37, 100
~~Slav 4347, 10, 71~~

966/9

Prof. A. C. Corbridge

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

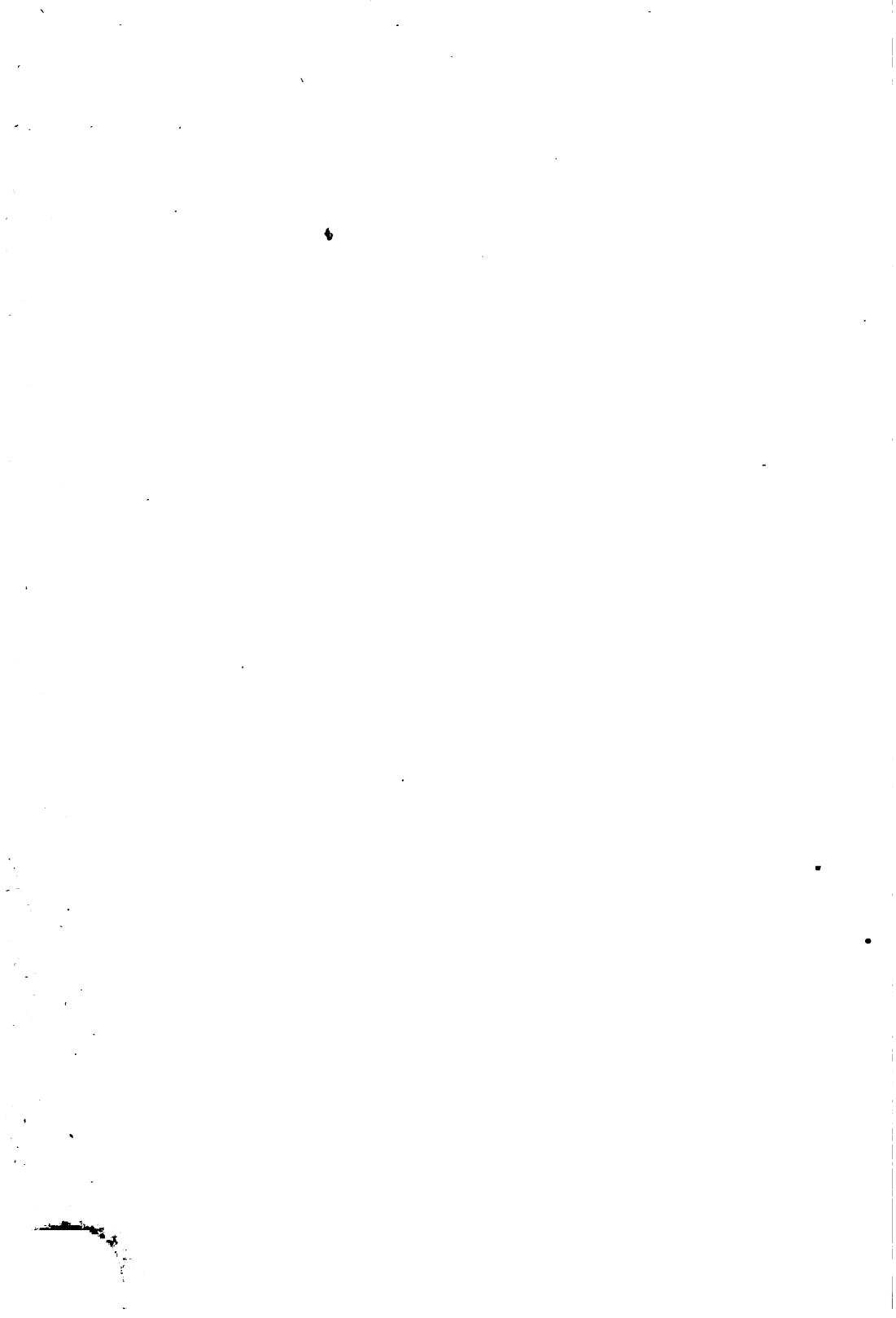
	Стр.
I. Попытка къ возврату.	1
II. Посохъ митрополита Петра	15
III. Аввакумъ въ царичиныхъ палатахъ.	28
IV. Стенька Разинъ у Никона.	43
V. Аввакумъ и боярыня Морозова.	58
VI. Изъ-за алашуи	66
VII. Въездъ Брюховецкаго въ Москву.	80
VIII. Сватовство гетмана.	95
IX. Смута въ Соловкахъ.	108
X. Судъ надъ Никономъ	119
XI. „Мамай въ рясѣ“.	130
XII. Морозова у Аввакума.	141
XIII. „Глаза ангела“.	154
XIV. Аввакумъ передъ вселенскими патріархами	172
XV. Низверженіе Никона	187
XVI. Убіѣство Брюховецкаго	196
XVII. Казнь Стеньки Разина.	211
XVIII. Морозова вступаетъ въ борьбу.	231
XIX. Аввакумъ въ Пустозерскѣ.	246
XX. Въсноваѣи стрѣлецъ.	260

Часть вторая.

I. Никонъ въ Фералонтовѣ.	273
II. У Никона гости	288
III. Мучительная ночь	303
IV. Бакланъ и Кликушка.	317
V. Арестъ Морозовой	331
VI. Срѣзецъ Овясинко	348
VII. Поруганіе надъ Морозовой.	359

	Стр.
VIII. Московка на Украинѣ.	371
IX. Гонецъ изъ Москвы.	385
X. Тихайшій купаетъ въ пруду столяниковъ.	398
XI. Утѣшаніе Морозовой	409
XII. Въ застѣнкѣ	420
XIII. Мазена практикуется.	481
XIV. Царевна Софья за географіей	442
XV. Морозова въ заточеніи	451
XVI. Тихайшій рыбу удить.	465
XVII. По дорогѣ въ Боровскъ	475
XVIII. Въ земной тюрьмѣ	483
XIX. Смерть княгини Урусовой	498
XX. Неудачное посольство	508
XXI. Смерть Морозовой	519
XXII. Сожженіе Аввакума	524
XXIII. Смерть Никона. Заключеніе.	533

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Попытка къ возврату.

Въ ночь съ 17-го на 18-е декабря 1664 года изъ воротъ Воскресенскаго монастыря, что подъ Москвою, выѣхало нѣсколько саней. Въ переднихъ, съ высокою спинкою, обитыхъ черною матеріею, видѣлась массивная фигура въ черномъ высокомъ клобукѣ, на которомъ, при мерцаніи звѣздъ и движеніи саней, искрились разноцвѣтные огоньки дорогихъ камней. Противъ него, на переднемъ сидѣннѣ, видѣлась другая человѣческая фигура, надъ которою высился большой крестъ, тоже искрившійся огоньками. Проходившіе въ это время по дорогѣ люди, завидѣвъ переднія сани и крестъ, поспѣшно отошли въ сторону и упали ницъ.

Ночь была морозная, тихая. На небѣ вывѣздило. Необыкновенно ярко выступали изъ мрачнаго покроя, раскинувшася надъ землею, то трепетныя и мигающія, то яркія и дрожащія искры далекихъ огней, брошенныхъ невѣдомомъ силою въ пространство, и чѣмъ дольше всматривался въ нихъ глазъ, тѣмъ далѣе, казалось, уходили они въ мрачную, безпредѣльную даль и пустоту, такъ что становилось чего-то страшно. Страхъ этотъ ясно изображался на блѣдномъ лицѣ того, который сидѣлъ на переднемъ сидѣннѣ первыхъ саней и держалъ въ рукахъ высокой металлическій крестъ: онъ, по временамъ, испуганно взглядывалъ на это темное, усѣянное звѣздами не-

бо, на которомъ, среди другихъ звѣздъ, неподвижно стояла страшная, хвостатая звѣзда, словно огненная метла, брошенная на небо хвостомъ на полдень, — и тихо шептала молитву.

Поѣздъ двигался скоро, рѣзко визжа полозьями по снѣгу. Возницы, сидѣвшіе на передкахъ саней, тихо, безъ словъ, но торопливо подгоняли лошадей длинными бичами. Во всѣхъ саняхъ виднѣлись черные клобуки — и весь этотъ ночной поѣздъ съ черными клобуками представлялъ что-то таинственное, загадочное.

— Что крестъ-отъ такъ дрожить у тебя въ рукахъ? спросилъ вдругъ тотъ, у котораго на клобукахъ искрились драгоценные камни.

— Страховито видѣніе сіе, великій государь, — отвѣчалъ державшій крестъ, указывая на комету.

— То знаменіе Божіе — перстъ огненный, имъ же Онъ, сый и грядый, судьбы міра пишетъ.

— Къ добру ли знаменіе то, великій государь?

— Судьбы Его кто исповѣсть? — можетъ на враговъ моихъ и сквернителѣй церкви російской указываетъ тотъ палецъ огненный, а можетъ на меня.

Черезъ дорогу, впереди саней, промелькнуло что-то сѣренькое и попрыгало по снѣгу къ ближайшему перелѣску.

— Стой! останови сани! — повелительно сказалъ послѣдній голосъ. — Заяцъ перебѣжалъ дорогу... Лукавъ бѣсъ — ненавидитъ добро.... Поди, Иванушко, осѣни крестомъ дорогу.

Возница остановилъ коней. Остановился и весь поѣздъ. Лошади встряхивались, гремя наборною сбруею,

«Что случилось? зачѣмъ стали?» — слышалось изъ прочихъ саней. — «Заяцъ передорожилъ».

Тотъ, кого называли Иванушкой, вылѣзъ изъ первыхъ

саней, держа передъ собою высокій крестъ, прошелъ впередъ и, трижды осѣнивъ крестомъ дорогу, молча воротился на свое мѣсто.

Поѣздъ снова двинулся. Опять завизжали полозья, звонко, рѣзко, словно-бы подъ ними кто-то вскрикивалъ отъ боли, жалуясь на холодъ. Снова безмолвно смотрѣли съ неба чьи-то страшныя очи да огненный палецъ—не палецъ, а цѣлая горящая пятерня указывала на что-то далекое, невидимое. Иногда лѣсъ заслонялъ собою горизонтъ и снѣжную, утопавшую во мракѣ, равнину, и тогда казалось, что вдоль дороги, по сторонамъ, двигались какія-то тѣни въ саванахъ, изъ-подъ которыхъ простирались длинныя руки, словно зачоченѣвшія отъ холода.

Время переходило уже за полночь, и въ ночномъ воздухѣ слышалось что-то похожее не то на продолжительный, неумолкаемый стонъ, не то на далекую, протяжную и плачущую музыку. Сидѣвшій въ переднихъ саняхъ словно какъ-бы вздрогнулъ и вытянулся, къ чему-то прислушиваясь.

— Меня зовутъ—по мнѣ встосковались храмы Божіи, радостно сказалъ онъ.

То слышался далекій звонъ московскихъ церквей къ заутрени. Скоро близость Москвы стала сказываться все яснѣе и яснѣе. Потянулись изгороди, заборы, боярскія подгородныя усадьбы. Чаше попадались обозы, гуськомъ тянувшіеся въ городъ, къ раннему базару.

У заставы поѣздъ остановленъ былъ окрикомъ сторожей: «кто ѣдетъ?»

— Савина монастыря власти,—отвѣчали изъ первыхъ саней.

— Подвысь! вольно! съ Богомъ!

И сторожа, при видѣ креста въ саняхъ, въ недоумѣніи сняли шапки и стали креститься.

Поѣздъ съ крестомъ проѣхалъ прямо въ Кремль и остановился у Успенскаго собора. Въ соборѣ въ это время шла заутреня. Служилъ ростовскій митрополитъ Іона, временной блюститель патриаршаго престола. Народу была полна церковь, такъ полна, что во время молитвенныхъ возглашеній иподіакона вся церковь представляла колышущуюся массу головъ, которыя, повидимому, не вмѣщались въ тѣсныхъ стѣнахъ обширнаго храма и во всякомъ случаѣ не могли дѣлать истовые размашистые поклоны, какъ то требовалось обычаемъ. Въ спертomъ отъ дыханія воздухѣ, свѣчи, которыхъ зажжены были цѣлые дѣса, горѣли тускло, оплывали и чадили. Но при всемъ томъ въ храмѣ царствовала благоговѣйная тишина и только слышались сдержанные старческія покашливанья да вздохи сокрушенныхъ сердцемъ, а то и просто вздохи обычая — что такъ-де надоть, крѣпче будетъ. Надъ всѣмъ этимъ господствовалъ звонкій, грудной, хотя тоже, въ силу обычая, для большей истовости нѣсколько гнусившій, голосъ псаломщика — митрополичьяго поддѣяка, высоко и шибко забиравашаго большею частью тамъ, гдѣ не слѣдовало. Читалась уже вторая каѳизма. Голосъ чтеца гудко отдавался подъ сводами храма, какъ-бы силясь вырваться на морозный воздухъ изъ этой душной, пропитанной восковымъ чадомъ атмосферы.

Вдругъ у входныхъ дверей послышался какой-то шумъ. Сдѣлалось смятеніе. Всѣ головы оборотились назадъ въ ожиданіи чего-то непонятнаго. Входныя двери загремѣли желѣзными засовами, завизжали на петляхъ и тяжело растворились настежь. Въ церковь дымными клубами ворвался морозный воздухъ.

Что такое? Не царь ли идетъ?—Голосъ псаломщика дрогнулъ; но чтеніе не прекращалось.

Стѣна молящихся насунулась впередъ и уперлась о

самый амвонъ. Тѣ, которые занимали середину церкви, шарахнулись въ стороны, какъ овцы, прижимаясь къ стѣнамъ и колыхая паникадилами, которыя чуть не попадали—да упасть было некуда, — попадали только нѣкоторыя свѣчи.

Показались ряды монаховъ съ заиндевѣвшими отъ мороза бородами. За монахами — высокій, блестящій золотомъ и самоцвѣтными камнями крестъ. За крестомъ — высокая, коренастая, осанистая фигура въ черномъ клобукѣ, на которомъ блеститъ и искрится отливающийъ всѣми цвѣтами радуги налобный крестъ. Лицо вошедшаго за крестомъ — блѣдное, суровое, съ выраженіемъ чего-то повелительнаго, непреклоннаго, скорѣе жестокаго и отталкивающаго: глаза — которые никогда, кажется, не смотрѣли нѣжно даже на ребенка, губы — которые никогда, кажется, не знали поцѣлуя любви и ласки.

Всѣ головы оборотились къ нему, и все, казалось, замерло съ испугу. Одинъ поддьякъ не прерывалъ чтенія, хотя и его голосъ срывался и дрожалъ.

— Перестань читать! — раздался, какъ ударъ кнута, повелительный голосъ, который такъ часто когда-то слышали эти стѣны; а теперь и стѣны, казалось, дрогнули отъ испуга: такъ давно онѣ не слышали этого знакомаго, страшнаго голоса — болѣе шести лѣтъ не слышали его.

Слова читавшаго каѳизмы замерли въ гортѣ — на полсловѣ остановился, словно бы передъ нимъ разверзлась бездна. А въ этотъ моментъ откуда-то раздались стройные, плавные звуки, какъ будто бы они исходили изъ купола, въ то время, какъ страшный пришлецъ твердо и грузно вступалъ на патріаршее мѣсто.

— Исполни эти, деспота!

Это пѣли монахи, только что вошедшіе въ церковь. Потомъ запѣли — «Достойно есть...» Вся церковь окаме-

нѣла отъ изумленія; никто не молился; митрополитъ стоялъ блѣдный, потерянный — онъ не зналъ, что ему дѣлать, не понималъ, что же такое случилось, что вокругъ него происходитъ.

Когда кончилось пѣніе «достойно», протодіаконъ, стоявшій въ полномъ облаченіи, недвижимъ, какъ истуканъ, невольно поднялъ обратную въ оранъ правую руку, которая дрожала.

— Говори ектенью! — второй разъ прозвучалъ по церкви тотъ страшный голосъ, который всѣхъ приводилъ въ трепетъ.

Протодіаконъ оторопѣлъ, зашпѣшилъ-было, сорвался съ голоса, поправился, передохнулъ — и продолжалъ уже ровной, привычной октавой... «О свышнемъ мирѣ и о спасеніи душъ нашихъ! О мирѣ всего міра...»

А страшный пришлецъ, сойдя съ патріаршаго мѣста, плавно, но твердо, словно вдавливая ноги въ церковный каменный помостъ, сталъ ходить по церкви и прикладываться къ образамъ и мощамъ. Народъ со страхомъ разступался передъ нимъ, боясь поднять глаза до его глазъ, свѣтившихся какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ.

Окончивъ это, пришлецъ опять взшелъ на патріаршее мѣсто, возглашая громко, медленно и сурово, какъ-бы грозясь кому-то: «Владыко многомилостиве!...»

— Иди подь благословеніе! — повелительно обратился онъ, тотчасъ послѣ молитвы, къ митрополиту Іонѣ, который продолжалъ стоять неподвижно, попрежнему блѣдный, недоумѣвающимъ.

Іона повиновался — подошелъ, склонивъ ниже обыкновеннаго сѣдую голову въ богатой митрѣ. За нимъ робко потянулось прочее духовенство. Пришлецъ порывисто шепталъ благословеніе и также порывисто крестилъ подходящихъ, словно ударялъ ладонью провинившійся предъ

нимъ воздухъ. Никто не глядѣлъ въ глаза этому страшному пришельцу.

— Поди, возвѣсти великому государю о моемъ пришествіи,—сказалъ онъ митрополиту, окончивъ благословеніе.

Оторопѣлый митрополитъ еще ниже наклонилъ голову—сѣдыя рѣдкія косы его дрожали на плечахъ.

— Иди!—раздался повторительный возгласъ.

Іона пошелъ, шатаясь и не поднимая головы. За нимъ торопливо послѣдовалъ ключарь собора, Іовъ. Народъ поспѣшно разступался передъ ними, какъ-бы боясь прикоснуться до ихъ ризъ.

За духовенствомъ, одинъ за другимъ, тихо и робко ступая по помосту, стали всходить на патріаршее возвышеніе и прочіе молящіеся. Пришлецъ благословлялъ всѣхъ, долго благословлялъ. Не одну тысячу разъ сдѣлала въ воздухъ крестное знаменіе жилистая рука его; а народъ все подступаетъ, робко прижимаясь одинъ къ другому.

А время идетъ... Пришлецъ нетерпѣливо поглядываетъ на входныя двери—никого нѣтъ... На лицо его все болѣе и болѣе ложится какая-то зловѣщая тѣнь... Глаза перестаютъ глядѣть на подходящій подъ благословеніе народъ: они его не видятъ, а видятъ какъ-будто что-то другое, никому невидимое.

Церковные сторожа робко, словно-бы украдкой и боясь взглянуть на пришельца, пробираются между народомъ съ пучками, съ цѣлыми охапками свѣчей и, втыкая ихъ во всѣ свободныя ячейки паникадилъ и между ячейками, по бортамъ, до безконечности увеличиваютъ это несмѣтное множество блестящихъ огненныхъ языковъ, чтобы ярче, до боли глазъ, освѣтилась огромная храмина, словно бы желая яркимъ свѣтомъ освященнаго огня согнать съ давно вдовствующаго патріаршаго трона это страшное,